

якщо не вирішиться тотожність із ним» [5, с. 53]. Так формулюється принцип про неможливість знайти у світі абсолютно тотожні речі, тобто принцип індивідуальності. Геніальна очевидність такого порівняння у Ніколи Кузанського характеризує філософа як мислителя нового типу, адже в період Відродження принципи очевидності, нескінченності, індивідуальності, математичної достовірності виносяться на перше місце, про що свідчить в праці «Естетика Відродження» А.Ф. Лосев. Нікола Кузанський показує, що істина, в точності, як вона є, невловима. Людський розум відноситься до неї, як можливість до абсолютної необхідності, яка не може бути нічим іншим, ніж вона є. «Суть (quidditas) речей, істина сушого, недосяжна в своїй чистоті, і, хоча філософи її розшукують, ніхто не знайшов її, як вона є. І чим глибша буде наша ученість в цьому незнанні, тим ближче ми приступимо до істини» [5, с. 54]. Далі він порівнює істину і Бога з максимумом. Разом із тим абсолютний мінімум у своїй «абсолютності» незбагнено збігається із абсолютним максимумом, адже абсолютний мінімум – це те, менше чого нічого не може бути: максимум перевершує все і мінімум також перевершує все і якщо звільнити поняття мінімум і максимум від кількісної характеристики, то з повною очевидністю для нас виявляється збіг максимуму і мінімуму: максимум перевершує все і мінімум також перевершує все; абсолютна кількість не більше максимальна, ніж мінімальна, тому що максимум його є через співпадіння разом із мінімумом. Тут мова іде про граничність, нічим не визначену, яка є разом з тим актуальністю всього можливого. Але це «перевершує наше розуміння, не здатне на шляхах розсудку сполучати протилежності в їх джерелі; адже ми рухаємось в світлі того, що відкриває нам природа, а будь-яке природне знання далеко відпадає від нескінченної сили і пов'язувати в єдине ціле нескінченно далекі одне від одного протилежності – нездатне. Тільки незбагнено піднявшись над всякою дискусією розсудку, ми бачимо, що абсолютний максимум є нескінченністю, якій ніщо не протилежне і з якою збігається мінімум» [5, с. 54]. Як відмічає Нікола Кузанський, поняття «максимум» і «мінімум» – це трансцендентні межі з абсолютною значимістю: піднімаючись над усім визначеним у кількості об'єму і сили, вони охоплюють у своїй абсолютній простоті все. Тож, проблема істинності знання і роль розуму у вченні Ніколи Кузанського отримує особливе розуміння: розум – необхідна складова діяльності людини в її побутовому світі, але в пізнанні істини і Бога, як уособлення цієї істини, розум має лише підготовчу роль, а справжнє пізнання проходить за межами розсудкового. Істина – єдина, неподільна, несуперечлива і цілісна,

може досягатись лише надрозсудковим зусиллям духовної сутності людини.

Бібліографічні посилання

1. Аляев Г. Е. Філософський універсум С.Л. Франка [Текст] / Г. Е. Аляев. – К., 2002. – 368 с.
2. Гайдено П. П. История новейшей философии в ее связи с наукой [Электронный ресурс] / П.П. Гайдено. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/gaid/02/0.html> – Загл. с экрана.
3. Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения / А. Х. Горфункель. – М. : «Мысль», 1977. – 359 с.
4. Дионисий Ареопагит Мистическое богословие [Электронный ресурс] / Дионисий Ареопагит. – Режим доступа : http://ihtik.lib.ru/philosbook_22apr2005_2013.html – Загл. с экрана.
5. Кузанский Н. Сочинения [Текст] : в 2 т. / Н. Кузанский. – М. : Мысль, 1980. – Т. 1. – 488 с.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. – Режим доступа : http://ihtik.lib.ru/philosbook_22apr2005_3317.html – Загл. с экрана.
7. Прокл Первоосновы теологии [Текст] / Прокл. – Тб., 1972. – 320 с.
8. Прокл Комментарии к «Пармениду» Платона [Текст] / Прокл. – СПб., 2006. – 896 с.
9. Штайнер Р. Мистика на заре духовной жизни нового времени. Философия свободы [Текст] / Р. Штайнер. – М.; СПб., 2000. – 682 с.

Захарчук А. Ф., Ярош А. М. Мистическое и научное в неоплатонической концепции Николо Кузанского.

Раскрывается проблема истины и истинности познания в контексте неоплатонической концепции философа Возрождения Николы Кузанского, в контексте неоплатонической учений, повлиявших на нее. Рассуждается о роли разума и интуитивно-внеинтеллектуальное созерцания в процессе познания чувственного мира и Бога.

Ключевые слова: мистика, Никола Кузанский, Возрождение, познание, Бог, апофатическая теология, катафатическая теология.

Zakharchuk O., Yarosh O. Mystical and scientific in Neoplatonic concepts of Nicholas of Cusa.

The problem of truth and the validity of knowledge is revealed in the context of neo-Platonic conception of the Renaissance philosopher Nicholas of Cusa, in the context of neo-Platonic teachings influenced her. Conducted discussions about the role of reason and intuitive and out-of-intellectual contemplation in the learning process of the sensual world and God.

Key words: Mysticism, Nicholas of Cusa, Renaissance, cognition, God, apophatic theology, positive theology.

Надійшла до редколегії: 20.04.14 р.

УДК 141:572

М. М. Ибрагимов

Национальный университет физического воспитания и спорта Украины
СПОРТ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ «ТЕЛЕСНОГО ОБРАЗА МИРА»

В контексте «философии спорта» делается попытка обозначить физическую культуру и спорт как её эталонный вид в контексте вербальной символизации «телесного образа мира». В отличие от научно-дифференцированного мировосприятия, которое в мышлении разделяет его на «мир реальный», «мир виртуальный» и «мир индивидуально-личностный», в культурно-мировоззренческом измерении спорт манифестирует системную внешнюю и внутреннюю целостность человека и мира.

Ключевые слова: философия спорта, искусство, перевоплощение, повороты, культура, образ мира.

Традиционная разрозненность философии как духовной и спорта как физически-телесной практик не способствует преодолению кризиса в состоянии здоровья граждан в украинском обществе, о чем говорилось в предыдущей статье [7, с. 81]. Сегодня крайне необ-

ходимы их объединенные усилия, чтобы философия обосновывала идеал здоровья, активизирующий физкультурно-спортивную двигательную активность, привлекательную для широких слоев населения. В то же время теория спорта и физического воспитания должна

опираться на новые парадигмальные принципы своей науки, что в свою очередь связано с «ожиданием иной расстановки акцентов, указывающих на «укрупнение» социальной роли занятых в области физической культуры и спорта специалистов, и, таким образом, на стратегическую прерогативу сферы физической культуры и спорта в целом» [2, с. 4].

Необходимо преодолеть на уровне обыденного сознания пренебрежительное отношение философов к спорту и такое же отношение спортсменов к философии. В первом случае, когда философия замыкается в собственном кругу понятийно-категориальных определений, она становится мертвой, созерцательно-схоластической и не входит в систему многокрасочного колорита жизни. В ином случае, физкультурно-спортивная область знаний без философской отделки становится примитивной и не действенной, поскольку не учитывает творческую сущность личности спортсмена. В данном контексте речь идет о философии спорта, которая могла бы выступить в качестве мировоззренческой основы для развития современной физкультурно-спортивной науки [5, с. 229].

Целью статьи является попытка философской интерпретации спорта высших достижений как искусства телесного перевоплощения личности спортсмена в контексте культурно-антропологических трансформаций, присущих современному мировоззрению.

Анализ литературных источников показывает, что в последнее время в украинской научной литературе прежняя негативистская ситуация отношения интеллектуальной элиты к спорту несколько изменяется: в философии актуализируется проблема телесности как культурно-феноменологического качества человека (О. Гомилко, В. Косяк, Л. Газнюк, Ю. Компанец, Н. Дубовенко), а в физкультурно-спортивной науке (В. Платонов, М. Булатова, Т. Круцевич, М. Саинчук, С. Закопайло, С. Сычов) плодотворно развивается компонент философской аксиологии. Обычно поставленная проблема рассматривается как соотношение спорта и искусства. Она имеет давнюю традицию. Вопрос о том, является ли бейсболист, спринтер, футболист или боксер артистом точно так же как скрипач, балетный танцор, дирижер издавна волнует многих исследователей спорта [9, с. 95]. В последнее время о взаимосвязи спорта и искусства речь шла на международной конференции «Искусство и спорт» (Лейпциг, 1983). Она обсуждалась на специальной секции «Спорт и эстетика» в ходе проведения Олимпийского научного конгресса в США (1984), а так же была избрана центральной темой дискуссии на XXVI сессии МОА [International Olympic Academy, twenty-sixth session, 1986].

Тема довольно обширная, в ней можно выделить альтернативные линии аргументации. Одни настаивают на том, что спорт – это есть искусство, другие же возражают и не признают их разными видами в целостной системе искусства, хотя в большей или меньшей степени все настаивают на схожести, подобии, совпадении, идентичности двух видов культуры. Иногда спорт связывают с определенными видами искусства, сравнивая его с культурой, танцами, театром. Так, А. А. Френкин в книге «Эстетика физической культуры», на примере спортивной гимнастики и легкой атлетики возражает против отождествления спорта с искусством, но в то же время относит к искусству такие виды спорта как художественную гимнастику и фигурное катание [19, р. 468]. Очень часто в качестве искусства представляют шахматы или футбол. Например, бывший президент

ФИФА Ж. Ареландж в одном из интервью заявил, что «футбол – это искусство». Подобную мысль выразил в 1982 году тренер сборной Италии Э. Беарзот: «Футбол – это наиболее волнующий театр со всех существующих в мире. Каждый, даже самый увлекательный детектив не сравнится с ним, если все актеры на поле решили играть свои роли с полной отдачей... Это – театр, и его спектакли должны волновать и радовать людей» [22, р. 94].

Элдон Е. Шнайдер и Эльмер А. Спрейтзер презентуют спорт в качестве особенного театра, ссылаясь при этом на развитую Аристотелем теорию катарсиса [20, р. 247]. В предисловии к книге «Человек, спорт и бытие» Э. Фриденберг выражает мысль о том, что «спорт – это вид прикладного искусства» и ближе всего стоит к балету, где средством художественной выразительности служит человеческое тело. П. Флаусинет считает спорт таким же искусством как музыка, поэзия или танец [18, р. 170].

Среди эстетов мнения существенно расходятся. Ф. Такасз и М. Я. Сараф обосновывают положение о том, что спорт не является искусством. J. Pinkava усматривает близость искусства и спорта, например, в танцах и художественной гимнастике. М. Каган относит художественную гимнастику «одновременно к миру спорта и искусства». David Best придерживается мнения, что даже «эстетические» виды спорта не являются искусством. Диапазон взглядов авторов материалов, помещенных в «Хрестоматию по эстетике спорта», которую издали Н. Т. Whiting и D. W. Masterson (1974), на взаимоотношение искусства и спорта весьма широк – от фиксации их существенного различия до признания сходства и тождества. [12, с. 76].

И все же общая философия телесности человека как философская аксиологическая проблематика отчасти обходит специфику телесности спортсмена как особенной видовой и яркой фигуры, где аккумулируются все изъяны и преимущества культурно-цивилизационных перипетий, в то время в физкультурно-спортивной публицистике аксиологии не хватает широты и глубины современных философских доработок. В частности, в психолого-социологических исследованиях в большинстве случаев ученые изучают ценностные ориентации разных категорий населения на физическую культуру и спорт, но не выходят в дискурс «ценностей самих ценностей» (Г. Рикерт), т. е. смыслообразующих их рычагов с точки зрения соотношения идеалов, ценностей и целей.

В спортивном соревновании как творческом процессе, по мнению В.С. Родиченко, существуют два главных аспекта, которые составляют аналогию искусству – «создание спортсменом новых спортивных ценностей для самого себя и создание творческих ценностей для потребителя информации – любителя спорта» [14, с. 129]. В нынешней ситуации, когда для массового зрителя информация о спортивном результате перестает быть волнующей, так как различия в показателях составляют ничтожно малую величину, основное внимание сосредотачивается на красоте выполнения физических телесных усилий. К сожалению, возвышенная эстетическая тональность, сопровождающая спорт, в настоящее время несколько угасает вследствие того, что в спорте существует аналогичная искусству возможность подделки, фальсификации результатов, благодаря применению допингов. Кроме этого, доступность для большой массы спортсменов современных методик развития скоростных и силовых приемов, а также приобщение

к массовому спорту значительного количества людей, по мнению многих исследователей, несколько снижает азарт спортсменов и ажиотаж зрителей вокруг спорта высших достижений [21, р. 74].

В свою очередь названные негативные нюансы снижают привлекательность эстетического начала спорта и стимулируют постэкзистенциалистскую, интегративную методологию синтеза науки, искусства и философии. «Поэтому отображение спорта определяется все более возрастающим интересом к синтетическому воспроизводству спортивно-зрелищных мероприятий. Существующая ныне художественная тенденция основана на сопряжении двух полюсов: реальности и праздности, фантазийности и обыденности. Художественная культура обрывает спортивными заимствованиями, выходя тем самым за рамки собственного искусства» [13, с. 12]. Н.В. Протасова, по моему мнению, очень четко определяет необходимость философско-эстетического осмысления нового этапа в единении спорта и искусства как «демонстрации эмоциональных, физических и интеллектуальных способностей человека», что соответствует постмодернистской фазе развития культуры мышления, культуры телесности, культуры чувствования человека, находящегося в прострации натуральной, технологической и виртуальной действительности.

Известный философ спорта Г. Люшен, анализируя связь спорта с культурой, обращает внимание на диалектику «ассоциации» и «диссоциации» как таковых структурных противоречий, которые включают в себя ассоциативные (интегративные) и конфликтные элементы, зависящие от вида спорта ситуации, где связь обнаруживается между людьми посредством взаимных интересов и общих ценностей [23, р. 92–106]. Поэтому он считает, что спорт представляет собой инсценирование социальных связей, где полем единения так и пунктом разобщения является эмоционально-рациональная сфера чувствования. Эмоциональное направлено на удовлетворенность-обеспокоенность, наслаждение-раздражение, а рациональное – на интерес, пользу, какие-либо ценности.

В философском диссертационном исследовании Ю.Н. Ямщиков усматривает ошибочность научной методологии при анализе спорта в «абсолютизации отдельных аспектов этого крайне сложного и противоречивого социокультурного феномена в одностороннем подходе к оценке его культурного статуса» [17].

Излагая основной материал нашего исследования, выскажем положение: если спорт рассматривается с точки зрения инсценирования сущностных сил человека, то спортивный телесный опыт фокусирует красоту, образное и без-образное в нем. На рубеже XX – XXI вв. спорт включается в мир социальных связей, мир культуры, дополняя к своим природным телесно-двигательным атрибутам субъективистскую и рационалистическую окраску, предавая телесным изощренным движениям смысл, значение и символы [3, с. 103–104]. Спорт как искусство телесного перевоплощения, выхода за пределы психофизиологических естественно ограниченных возможностей человека, своей магией воздействует на зрителя тем, что создает визуально-телесную культуру и символизирует в цивилизационно-историческом процессе преэминентность телесных практик в виде целостного телесного образа мира. И.М. Быховская, представляя тело человека социокультурным феноменом, включает его в «образ мира», а мир – в «образ человека». Она ставит задачу «выделить некоторые «сквозные» принци-

альные позиции, каждая из которых связана с тем или иным типом «модели человека» и соответствующим ей пониманием места и значимости телесности, её смысла и ценности с особенностями телесно-ориентированных практик и их нормативных регуляторов [4, с. 43]. Из богатого идейного содержания её работы, стимулирующей на постсоветском пространстве в начале нашего века философский дискурс о телесности, выделим интересующий нас концепт: «Особенность построения ретроспективы соматической культуры, – пишет И.М. Быховская, – что свидетельствует о её содержании, направленности и т.п. наиболее ярко и доступно представлены в произведениях искусства, отразивших аксиологию тела, свойственно той или иной эпохе, связанную с определенным стилем мышления, художественного творчества, с этикетом и стилем жизни» [4, с. 46].

Обратим внимание на сочетание в концепте аксиологии тела двух составных, выделяемых автором – «стиля мышления» и «художественного творчества». Оба названные элементы сочетаются в образе эпохи, в том, как она осмысливается философами и учеными и фокусируется в художественном творчестве в образах искусства. Эстетическое через понятие «образ» становится всеохватывающей категорией культуры, духовной и физической, интеллектуальной и телесной, а в нашем проекте – общей культуры и физкультурно-спортивной.

В дальнейшем дискурсе уделим внимание соотношению понятия «образа» и применимости его в спорте высших достижений к телесному перевоплощению, демонстрирующего спортсменами не только индивидуальное мастерство, а исторически накопленный опыт телесных практик, создавая образ мира как мировоззренческую его характеристику. Иными словами, в этой связи мировоззрение есть ни что иное как определенный «образ мира», а физкультурно-спортивное мировоззрение фиксирует его естественно-телесную составную.

Для формирования физкультурно-спортивного мировоззрения важно то, что в содержании понятия «образа» пересекаются мировоззренческая и методологическая функции современной науки. В философии и науке все более глубоко сочетаются методы художественно-творческого освоения действительности, в которых «размываются» границы осмысленного и того, что остается на уровне ассоциативных представлений. Момент влияния эстетического на стиль современного научного и социального мышления в свое время заметил Г. Зиммель. Эстетическое для него не локализовано только в области искусства или определения прекрасного. Оно представляет собой своего рода сквозную «линию», которая разделяет способы мыслить. Любые, даже самые абстрактные понятия и дистинкции находят свое финальное основание в обнаружении движущего мотива мыслительного процесса, каковым является интуитивное различие приятного – неприятного [24, с. 206]. Г. Зиммель подчеркивает наличие динамичной и двухсторонней связи между эстетическими мотивами и практической целесообразностью, характеризует симметрические и асимметрические связи, существующие в природе, в мышлении и в социальных отношениях. Оно заложено в ощущениях человека мира и понимание соразмерности чувственности человека с рациональным уровнем мышления.

Физкультурно-спортивная двигательная активность всецело направлена на поддержание в организме человека баланса, равновесия физических и духовных сил, всего того, что называется энергетическим по-

тенциалом, заложеним природою. Умение сохранить, восстановить равновесие между духовным и предметно-телесным приобретается опытным путем. Как уже говорилось, спортивный телесный опыт обогащает человека способностью к поддержанию внутреннего порядка, «микрокосмоса» и внешнего – «макркосмоса» с помощью искусства перевоплощения.

Аристотель рассматривал искусство не как область конкретного, фактического, а сферу возможного. Познавательная значимость художественного образа в истории эстетики неоднократно подвергалась различным интерпретациям, поскольку стоял вопрос о цели «переработки» натурального материала в художественную форму. В одних случаях «искусство стало рассматриваться как гедонически-индивидуальная, а в других – как общественная техника чувств» [15, с. 452].

То есть, речь идет о создании такого «образа мира» в философской культуре, где бы в красочной его разветвленности были определены исходные и конечные параметры цивилизационного габитуса жизнедеятельности человека. «Очевидным является и тот факт, что спорт предоставляет человеку богатые возможности для созерцания и создания прекрасного. Прекрасное тело человека, формируется под влиянием систематических занятий спортом. Красота человеческого тела является пропорциональной симметрической форме, пластике его движения» [10, с. 63].

Образность в философии позволяет акцентировать её мировоззренческий характер, наука же создает определенную «картину» объективных связей, основанную на интерпретации фактов. Предваряя ход последующего дискурса о том, какое место занимает физкультурно-спортивный телесный опыт в формировании современного «образа мира» укажем на некоторые тенденции в развитии культуры как сокровищницы общечеловеческого опыта.

В фокусе теоретических соображений «культурных исследований» попадает идея «визуальной культуры» как отличительные черты текущего этапа развития современного западного общества. Российский исследователь И. Инишев, изучая западноевропейский опыт «иконического поворота» в теориях культуры и общества констатирует, что сторонники *ricognal/iconic turn* руководствуются положением о том, что «образ является презентацией, истоком мощи, природа которого как объекта наделенного бытием требует, чтоб те, кто его анализирует, обращали пристальное внимание на способ, каким он воздействует своей магией на зрителя. Пропоненты *visual turn*, или *visual culture*, трактуют образ как «культурную репрезентацию», значение которой связано по большей части с содержанием образа» [6, с. 188].

В рассуждениях культуролога И. Инишева наблюдается попытка перевести образность как предмет феноменологического исследования «самой по себе» в разные социально-исторические типы и функции общества, оправдывается поиском их жизненного смысла. «Образ, возможно, единственный объект, который в процессе своего восприятия не только использует «семантический» ресурс, сформулированный в другой среде, например, языковой коммуникации или телесных практиках различных общественных ритуалов. Он также воспроизводит это специфическим для него способом» [6, с. 185].

В контексте нашего исследования отмечаем «лингвистический поворот» в развитии культуры и понимании смысла понятия «образа» в ней, как проникновения

философско-эстетического, мировоззренческого компонента структуры научного мышления, где лингвистика стала занимать лидирующее положение. Очередной поворот в культуре, науке, философии и эстетике к анализу языковых форм выражения мысли обозначил Р. Рорти. Он в конце 60-х годов обозначил его как «*linguistic turn*» ретроспективное и дескриптивное явление в обозначении словом «образ», конфигуративно воспроизводящий материальные поверхности социальных связей. Последователь Н. Гадамера швейцарский искусствовед Г. Бем развивает философскую проблематику образности в поисках внутренней структуры образа, его связи с материальным носителем, а также понимание гносеологического ресурса. В таком же русле Дж. Александер в своих рассуждениях идет дальше и ставит вопрос о социальных функциях образов: могут ли они быть не только символическими репрезентантами социальных и политических отношений, но и «окнами в социальную действительность». В предполагаемом ответе на поставленный вопрос Дж. Александера создается простор для конструирования «телесного образа мира» на основе физкультурно-спортивных практик.

Несмотря на исторические и региональные различия, образ, от визуального к вербальному его оформлению, имеет в лингвистических интерпретациях смысловую автономию. Однако, современные типы образности, не только в искусстве, лингвистике и прочих духовных практиках органично вплетены в ткань социума, а значит и в спортивную реальность. В постиндустриальном обществе расширяются социально-коммуникативные сферы презентации и репрезентации спорта. Постоянный диалог «Я» (спортсмен) и «Другой» (тоже спортсмен) преподносится с помощью СМИ и СМК как реальность и гиперреальность, как зрелище, тиражируемое на весь мир и делящее этот мир на экзистенциально переживающих за того или иного спортсмена или клубную команду, и даже за целые страны и народы, их победы и поражения. Само спортивное соревнование (Олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы, кубковые и клубные встречи) превратилось в разновидность визуально-информационного товара. Экзистенциальное измерение спорта становится как бы его «невывчитанным смыслом», «онтологическим ядром» человека [16, с. 280].

Украинский исследователь С.В. Могилёва в философском диссертационном исследовании ставит задачу охарактеризовать место спортивной агонистики в современном социально-коммуникативном просторе, что может, по её мнению, найти непосредственное применение в структурировании возможностей нахождения «идентичности в различных видах спортивной деятельности соответственно к паратаксической, гипотаксической и синтетической стратегий» [11, с. 7]. Она отмечает, что спорт как разновидность телесных практик в экзистенциальном измерении создает возможность «субъективации и самоактуализации в интересующем пространстве телесно-спортивной дискурсивности».

Отстаивая концепт видения спортсмена как обладателя «авторской телесности», определяемой целостностью, разомкнутостью, выраженной индивидуальностью. На примере «внутреннего» и «карнавального тела» М. Бахтина и «танцующего тела» Ф. Ницше она говорит о напряжении между экзистенциальным и социально-коммуникативным измерением спорта. По мнению философа, среди социометрических маркеров

современного спорта, таких как беспрецедентное увеличение зрелищного компонента, связанного с «технологизацией», «гедонизацией» и «гиперреализацией» общества нет таких, которые бы могли серьезно извратить экзистенциальное содержание спорта. «Наибольшую опасность представляет все увеличивающаяся его медийность, которая выводит спорт в дискурсивно-визуальный простор, подчиняет его задачам стимулирования/руководства, и тем самым редуцируя его многосодержательность и затмевая настоящие гуманистические аспекты человеческого существования» [11, с. 13].

Как видим, длительная лингвистическая трансформация в культуре терминологически усложнила языковые конструкции и создала хаос интерпретации коррелятивного связи образа и смысла и сегодня является фокусом синонимических прочтений: *iconic turn, pictorial turn, imagic turn, visual turn* [6, с. 187]. В этом смысле физкультурно-спортивная реальность находится в дискурсиве, противостоянии с визуальной, хотя и испытывает на себе соответствующие эрозии.

К проблеме визуальной реальности, созданной информационными технологиями приковано внимание философов представителей постмодернизма и постструктурализма. В их многочисленных теоретических обоснованиях виртуальности усматривается веяние эпохи, которая приобрела новые черты и нарушила установленные каноны и традиции. «Образ мира» представляется расплывчатым, фрагментарным, дискретным и распадающимся на множество самопознающих себя единиц. Как всегда, на рубеже эпох усиливаются мистические, солипсические, пессимистические настроения, Ниспровержение рационалистического способа философствования привело к сплошной агрессии против разума, что обернулось в культуре усилением позиций релятивизма, а для отдельного человека потеря ценностных ориентиров, а «образ мира» представляется иррациональным, сюрреалистичным. Онтологизация субъекта, об автономии которого так искренне заботился классический экзистенциализм, способствовала представлению мира как полионтологичного, не имеющего какого-то единого, определенного, признанного основания. От провозглашения множественности мира «клизм-изация постмодерна» привела к отрицанию различия в нем и не только в виде мировоззренческих неопределенностей в виде «полионтологичности» бытия, а и под их предлогом позволила «навязывать» выгодные власть имущим целенаправленные стандарты мышления [1].

Философ В.Н. Кораблева считает, что для философов обосновывающих «виртуализм», «полионтологичность» мира, устанавливают новую систему координат без какой-либо референтной (конституируемой, «настоящей») реальности, без установленной и общезначимой картины мира, без каких-либо универсальных систем и теоретических построений. Она пишет: «То что называется ситуацией постмодерна означает очередное проявление такой «бродячей химеры» «полионтологичности». Эта «химера» служит катализатором конституирования такового состояния, при котором реальность поддается проблематизации на уровне кодификационных интересубъективных регуляторов (то, что называется в постмодернистской теории потерей доверия к метанаративам) тех, что были одновременно и маркерами реальности мира» [8, с. 119].

В качестве выводов подчеркнем, что в «постмодернистской» западноевропейской философской мысли-

тельной культуре четко выделяется две линии: первая связана с отрицанием продуктивного значения образов-символов, которыми являются идеалы эпохи, а вторая – настаивает на необходимости осознания поворота к природно-целостным установкам общей культуры, в которой физическая культура и спорт выходят не её авансцену.

В философской рефлексии спорт существует как социальная практика телесного перевоплощения, иначе бы физические упражнения никакой ценности не имели. С этой точки зрения в который раз встал вопрос гармонизации биологического и социального, физиологического и психического, телесного и духовного. А в более широком масштабе это выразилось в поисках интегративного знания, которое бы соответствовало естественным установкам культуры, которая в своей мозаичности потеряла «самопонимание» (Б. Вандельфельс).

Опираясь на ряд таких мотивов как телесность, чуждость, нормальность и временные границы, играющих центральную роль в феноменологии, Б. Вальденфельс обращает внимание на переход в философии от конструктивистского к природно-фундаменталистскому стилю мышления. Конструктивизм, по его мнению, «все существующее редуцирует к чему-то, из чего вырастают определенные конструкции и искусственные построения». Подобный стиль философского мышления «ориентируется на установленный порядок природы, будто культура сама является частью или эпифеноменом естественной части» и проводит мысль о необходимости восстановить естественные основания культуры и обратиться к человеческому телу, которое является решающим мостом в сочетании природы и культуры.

В таком ракурсе спорт в феноменологической философии конструируется как социально значимая и возможно единственная форма воспроизведения натурально-природного субстрата человеческой деятельности, его телесно-физической организации, символизирующей единство «образа человека» и «образа мира».

Библиографические ссылки

1. Андреева Е. В. «Измизация» постмодерна: от утверждения множественности к отрицанию различия [Текст] / Е.В. Андреева // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – №1012. Серія «Філософія. Філософські перипетії». – 2012. – с. 98–106.
2. Антонова Н. И. Проблемы и вызовы современной парадигмы физической культуры и спорта [Текст] / Н. И. Антонова // Вестник УралГУФК. – №3 (5), 2013. – с.4–7.
3. Батенин С.С. Человек в его истории [Текст] / С. С. Батенин. – JL: ЛГУ, 1996. – С.103–104.
4. Быховская И.М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела [Текст] / И. М. Быховская. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.
5. Ибрагимов М.М. «Философия спорта» и кризис современного физкультурно-спортивного мировоззрения [Текст] / М.М. Ибрагимов // Слобожанський науково-спортивний вісник. – 2011. – № 4. – С. 229–236.
6. Иньшев И. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества [Текст] / Илья Иньшев // Логос, 2012. – №1 [85]. – С.184–211.
7. Ібрагімов М. М. Філософсько-світоглядна парадигма в подоланні кризи у теорії фізичної культури і спорту [Текст] / М.М. Ібрагімов // Науковий журнал «Філософія і політологія в контексті сучасної культури». – Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. – Вип. 7. – С. 81–89.
8. Кораблева В. М. Віртуальна реальність як простір симулякрів у полі онтологічному світі постсучасності [Текст] / В.М. Кораблева // Практична філософія. – К., 2008. – №1 – С. 114–120.

9. Лоу Б. Красота спорта. Междисциплинарное исследование / пер. с англ. И. Л. Моничева; Бенджамин Лоу. – М.: Радуга, 1984. – 256 с.

10. Мальй А. Т. Спорт и искусство. Сходство, различия, пути их интеграции [Текст] / А. Т. Мальй, Л. В. Зубченко // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту, – Х.; Донецьк: ХДАДМ, 2004. – №18. – С. 62–69.

11. Могільова С.В. Сучасний спорт в екзистенціальному та соціально-комунікативному вимірах [Текст]: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філософ. наук: спец. 09.00.03 / С. В. Могільова. – Х.: Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2008. – 18 с.

12. Пирогова Л. В. Эстетика и искусство в спорте [Текст] / Л.В. Пирогова // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту, – Х.; Донецьк: ХДАДМ, 2004. – №8. – С. 74–78.

13. Протасова Н.В. Потенциал спорта в современной массовой культуре [Текст] / Н. . Протасова // Теория и практика физической культуре. – 2008. – №11. – С. 12–14.

14. Родиченко В.С. Философия и будущее [Текст] / В.С. Родиченко // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С. 125–132.

15. Титаренко А. Художественный образ [Текст] / А. Титаренко. Философская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – Т. 5. – 740 с.

16. Хардт М. «Империя» [Текст] / М. Хардт, А. Негри.; пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

17. Ямщиков Ю. Н. Спорт как социально-культурное явление [Текст]: дис. канд. филос. наук: спец. 09.00.11 / Ю.Н. Ямщиков. – Красноярск, 2010. – 141 с.

18. Arnold P. Three approaches toward an understanding of sportsmanship [Text] / P. Arnold // Journal of Philosophy of Sports. – 10(1). – P. 61–70.

19. Best D. The aesthetic in sport [Text] // Philosophical Inquiry in Sport / eds. W. J. Morgan, K. V. Meier. – Champaign, IL: Human Kinetics, 1995. P. 377–389

20. Duncan M. The politics of women's body images and practices: Foucault, the Panopticon, and shape magazine [Text] / M. Duncan // Journal of Sports and Social Issues. – 1994. – P. 158–179

21. Feezel R. Sportsmanship [Text] / R. Feezel // Journal of Philosophy of Sports. – 1986. – VIII. – P. 68–78

22. Leaman O. Cheating and fair play in sport [Text] / Oliver Leaman // Sport and the Humanities: a Collection of Original Essays / ed. W. J. Morgan. – Bureau of Educational research and Service. University of Tennessee. – 1981. 7 p.

23. Luschen G. The Interdependence of Sport and Culture [Text] / G. Luschen // Sport in the Sociocultural Process. – Dubuque, Iowa: Wm.C.Brown Company Publishers, 1981. – P. 127–141

24. Simmel G. Soziologische Ästhetik [Text] // M. Harden (Hg.). – Die Zukunft, 1896. – 17 Bd. – Nr.5. – S. 204–216

Ібрагімов М. М. Спорт як маніфестація «тілесного образу світу».

У контексті «філософії спорту» робиться спроба позначити фізичну культуру і спорт як її еталонний вид в контексті вербальної символізації «тілесного образу світу». На відміну від науково-диференційованого світосприйняття, яке в мисленні поділяє його на «світ реальний», «світ віртуальний» і «світ індивідуально-особистісний», в культурно-світоглядному вимірі спорт маніфестує системну зовнішню і внутрішню цілісність людини і світу.

Ключові слова: філософія спорту, мистецтво, перевтілення, повороти, культура, образ світу.

Ibragimov M. Sport as a manifestation of “physical image of the world”.

An attempt to identify physical culture and sports as a kind of reference in the context of verbal symbolization of “physical image of the world” is made in the context of “Youth Sports”. Unlike scientific differentiated worldview that shares its thinking in the “real world”, “virtual world” and “world of individual personality” in the cultural and ideological dimension, sport manifests systematic internal and external integrity of the person and the world.

Key words: philosophy of sport, art, reincarnation, turns, culture and image of the world.

Надійшла до редколегії: 20.06.14.

УДК: 141.319.8, 124.2

В. Ф. Калуга

Національний університет біоресурсів і природокористування України

РОЗУМ ЯК ІНСТРУМЕНТ ПІЗНАННЯ ТА ВПОРЯДКУВАННЯ ДІЙСНОСТІ: ЙОГО ВЛАСТИВОСТІ

В сучасній науково-світоглядній парадигмі сформувалося переконання, що розум є ключовою властивістю людини та провідним засобом пізнання, на основі якого формується об'єктивна картина світу та відбувається накопичення знань. Проте досвід свідчить, що розум не такий вже й «всесильний», а навпаки завдає чимало клопотів людині. Зокрема раціонально центрована істота, тобто Homo Sapiens вилучила себе зі Всесвіту, перемістивши в штучний світ. Людський розум також є джерелом постійних сумнівів, конфліктів, розчарувань. Будучи сполученим з множинністю як атрибутом людського буття або обставиною становища людини за Х. Арндт, розум обтяжує намагання людини відбутися як унікальна істота, спонукаючи людину коритися численним обмежуючим і регламентуючим факторам її приватного, а тим більше соціального існування. Відповідно, лише досягаючи природу розуму шляхом осмислення його проявів, можливо віднайти дієві шляхи до подолання перманентної кризи, в якій перебуває сучасна людина.

Ключові слова: розум, конфлікт, пізнання, сумнів, внутрішній діалог

Сучасна людина в повсякденному існуванні стикається з тисячами проблем, стає заручником сотень конфліктів, а її життя здебільшого зводиться до проживання. Проте вона так і не наважується поставити питання руба, а що ж є дійсною причиною її, м'яко кажучи, незатишного існування. Не наважується, бо страх постати перед невідомим пересилює її прагнення до свободи. Як не дивно виглядає, але найпевнішим союзником страху перед невідомим є розум. Відповідно, досліджуючи опосередковано природу розуму шляхом осмислення його проявів і властивостей, людина отримує шанс відкрити нові горизонти власного існування. Таким чином вона

формує для себе місце для «кроку вперед», повертаючи собі жагу до життя, віру у наявність і доступність для сприйняття змісту власного існування, тобто оптимізм. Природно, що дослідженню природи розуму присвячено чимало філософських розвідок, починаючи з часів античності. Але людство в масі своїй чомусь досить вперто ігнорує досвід щодо природи розуму тих, кого прийнято називати суфіями, магами, просвітленими або чистими практиками, таких як Ідріс Шах, Карлос Кастанеда, Раджніш Ошо та інших. І це попри те або й всупереч тому, що визнані в усьому світі філософи, зокрема і Платон, і Кант, і Гайдеггер кожен на свій манер вказують